

Стефанский Е. Е.

КОНЦЕПТ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО СТРАХА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/95.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 227-229. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Данные модели обучения вызывают интерес у студентов к решению творческих задач с элементами проблемного обучения, знакомят студентов с методами научного познания, способствуют формированию творческого мышления, обогащению собственного опыта творческой деятельности.

Одной из важнейших форм образовательной деятельности в плане развития творческого мышления студентов признается учебная дискуссия. Ее отличительной чертой является то, что взаимодействие участников дискуссии строится не просто на поочередных высказываниях, вопросах и ответах, но на содержательно направленной самоорганизации – обращении студентов друг к другу и к учителю для углубленного и разно-стороннего обсуждения идей, точек зрения, проблем. Существенной чертой организации учебной дискуссии является проблемность, благодаря которой обеспечивается вовлеченность студентов в обсуждение содержания. Общение в ходе дискуссии побуждает студентов искать различные способы для выражения своих мыслей, повышает восприимчивость к новым сведениям, новой точке зрения, соотнесение и сопоставление которых способствует более объемному и многоплановому видению явлений, творческому осмыслению изученного материала, формированию ценностных ориентаций.

Рациональное сочетание алгоритмического и проблемного типов обучения особенно важно учитывать при обучении иностранному языку, поскольку многое в иностранном языке невозможно постигнуть самому на основе проблемных ситуаций, а значит, необходима доля алгоритмического обучения. Так, например, алгоритмический тип обучения наблюдается при изучении фонетики, лексико-грамматических структур, запоминании новых слов, а проблемное обучение реализуется в форме бесед, дискуссий, постановки перед студентами теоретических и практических исследовательских заданий, имеющие высокий уровень проблемности.

Используя положение о рациональном соотношении алгоритмического и проблемного типов обучения в преподавании иностранного языка, следует добавить, что удельный вес алгоритмического и проблемного в обучении зависит как от возможностей учебного материала, времени обучения, так и от возрастных и индивидуальных иноязычных потребностей и возможностей конкретной группы студентов и каждого студента в отдельности, а также от педагогического мастерства преподавателя.

Список использованной литературы

1. **Брушлинский А.В.** Психология мышления в проблемном обучении. М., 1983, 275 с.
2. **Лернер И.Я.** Педагогическая литература в проблемном обучении. М., 1983. Вып. 6, 308 с.
3. **Тальзина Н.Ф.** Педагогическая психология: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 1998, 205 с.

КОНЦЕПТ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО СТРАХА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Стефанский Е. Е.

Самарская гуманитарная академия

Анализ романа «Мастер и Маргарита» сквозь призму эмоций страха и тоски, переживаемых героями, может быть весьма плодотворным по следующим причинам.

Во-первых, страх – один из древнейших факторов социализации индивида. Несмотря на конкретно-исторические реалии, окружающие героев романа, мы сталкиваемся в нем с ментальными структурами, сложившимися еще в мифологическом сознании, а фантастические элементы, присутствующие в романе, актуализируют эти мифологические структуры.

Во-вторых, равноуровневые языковые средства, эксплицитно или имплицитно маркирующие страх, обладают в русском языке ярким национальным своеобразием, поэтому анализ художественного дискурса, в котором эта эмоция доминирует, дает возможность выявить особенности переживания страха русской языковой личностью.

Эмоция **страха** является доминирующей в палитре чувств, переживаемых героями романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита». Булгаковские персонажи испытывают «необоснованный, но столь сильный страх» перед двумя явлениями: «нечистой силой» и тоталитарным государством. Этот страх проявляется в особой – тревожной, фобической форме [см. подробнее: Стефанский 2006]. Человек, переживающий эту эмоцию, не осознает причин, вызвавших ее. В русском языке на общезыковом уровне практически не выработалось лексического средства для обозначения этого вида страха, тогда как в других языках имеются особые слова, причем обычно их внутренняя форма базируется на идее сжатия. Это, например, нем. *Angst* (см. в русском языке с тем же корнем *ангина*, т.е. ‘сжатие горла’), польск. *lęk* (см. с тем же корнем русск. *лук*, *излучина*, *лука*, *Лукоморье*), чешск. *úzkost* (см. в русском языке с тем же корнем *узкий*).

Примечательно, что появление Воланда и его свиты в «культурном пространстве» Москвы сопровождается беспричинным страхом, который окружающие испытывают даже тогда, когда «нечистая сила» еще не успела сделать им ничего плохого.

На первых же страницах «Мастера и Маргариты» Берлиоза сначала охватывает «необоснованный, но столь сильный **страх**», что ему хочется «тотчас же бежать с Патриарших без оглядки», а потом, после видения возникающего из воздуха Коровьева, им овладевает **смятение**, в его глазах прыгает **тревога** и дрожат руки.

Поскольку у этого страха нет видимой причины, то его важнейшая черта – безобъектность. Она очень отчетливо выражается синтаксическими средствами. Лингвисты не раз отмечали, что для обозначения ситуации страха перед потусторонними силами в восточнославянских языках и диалектах активно используются безличные предложения. См., например, русск. *Чудится, Видится, Пугает, Пугать перестало*, полес. *Сэрэд ночи лякае, Пужать будя*. [Левкиевская 2004: 61].

Такую же безличную модель использует, рассказывая о гибели Берлиоза, поэт Рюхин:

«- Секретаря МАССОЛИТа Берлиоза сегодня вечером *задавило* трамваем на Патриарших» (С. 343).

Говоря о той колоссальной роли, которую играют в русском языке безличные предложения различных типов, А. Вежицкая подчеркивает, что конструкции типа *Его переехало трамваем* или *Стучит!* рисуют мир как «сущность непознаваемую и полную загадок, а истинные причины событий неясны и непостижимы» [Вежицкая 1996: 73]. Именно в таких конструкциях, по мысли исследовательницы, проявляется иррациональность русской души. В конечном счете, «субъектом действия» и соответственно объектом страха в таких конструкциях является непознанная сверхъестественная сила.

В тоталитарном обществе источником необъяснимого страха становится государство. Для обозначения этой всепоглощающей силы власти также выработалась специальная синтаксическая модель – неопределенно-личные предложения. Соответствующие конструкции намеренно нагнетаются при обозначении действий сотрудников «одного из московских учреждений». См., например:

- Ровно через десять минут после этого, без всяких звонков, квартиру *посетили*, но не только хозяев в ней не *нашли*, а, что было уж совсем диковинно, не *обнаружили* в ней и признаков барона Майгеля (С.. 600).

- - А вот интересно, если вас *придут* арестовывать? - спросила Маргарита.

- Непременно *придут*, очаровательная королева, непременно! – отвечал Коровьев, - чувствует сердце, что *придут*, не сейчас, конечно, но в свое время обязательно *придут*. Но полагаю, что ничего интересного не будет (С. 542).

Подобно тому, как безличные конструкции обозначают действия непознанной сверхъестественной силы, неопределенно-личные предложения в русском языке передают ситуации, субъектом которых, в конечном счете, является социум. Его действия не персонифицированы, однако сомневаться в источнике, направляющем их, не приходится: это все, кто обладает властью, законной или незаконной, формальной или реальной. Показательно, что обозначение всего, что связано с властью (аналогично потусторонним силам), подвергается во многих языках табуированию и эвфемизации. См. такие эвфемизмы, как *куда Макар телят не гонял, куда ворон костей не тащил, в местах не столь отдаленных, сообщить куда надо, небо в клеточку, казённая квартира*.

Эта эвфемизация проявляется и в жестком регламентировании номинации лиц, обладающих властью: *Президент, генеральный (секретарь, прокурор, директор), хозяин, сам, папа* (как применительно к Римскому Папе, так и в современном разговорном языке применительно к любому влиятельному лицу), *гражданин начальник, командир, фюрер, дуче, вождь, государь, игемон* и т.п. без использования личного имени носителя власти. Так язык на разных своих уровнях сближает восприятие сверхъестественных и земных сил, обладающих властью. Показательно, что на страницах «Мастера и Маргариты» читатель впервые сталкивается с проявлением власти государства, если можно так выразиться, именно в языковой сфере: Понтий Пилат требует объяснить с применением насилия арестованному Иешуа Га-Ноцири, что прокуратора нужно называть только *игемоном*.

Одной из важнейших составляющих проблематики романа становится проблема преодоления страха. Не случайно средствами сюжета, а порой и напрямую, устами своих героев, автор доносит до своего читателя закон советского концлагеря: «Не верь, не бойся, не проси!».

Доверчивость Мастера к Алоизию Могарычу приводит его к аресту. Создатель романа о Пилате рассказывает Ивану Бездомному:

- А со мной случилась оригинальность, как нередко бывало в моей жизни... У меня неожиданно завелся друг. Да, да, представьте себе, я в общем не склонен сходиться с людьми, обладаю чертовой странностью: схожусь с людьми туго, *недоверчив*, подозрителен. И - представьте себе, при этом обязательно ко мне проникает в душу кто-нибудь непредвиденный, неожиданный и внешне-то черт знает на что похожий, и он-то мне больше всех и понравится (С. 415).

Перед балом Сатаны Коровьев советует Маргарите:

- Я позволю себе смелость посоветовать вам, Маргарита Николаевна, *никогда и ничего не бояться*. Это неразумно (С. 516).

Наконец, после бала Воланд учит ее:

- *Никогда и ничего не просите!* Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут! (С. 546).

Испытание страхом – одна из главных проверок, которую устраивает Булгаков своим героям. Первым страх перед властью испытывает ее носитель – Понтий Пилат. Прочитав в донесении о высказываниях Иешуа по поводу кесаря, Пилат ужасается тому, что, отпустив бродячего философа, сам будет обвинен в «оскорблении величества»:

«И со слухом совершилось что-то странное, как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества».

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «*Погиб!*», потом: «*Погибли!*..»

Приговорив бродячего философа к смерти, Пилат не проходит испытания страхом. Афраний передает ему слова Иешуа, которые становятся критерием оценки всех булгаковских героев:

- Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает *трусость* (С. 568).

По большому счету, единственным героем романа, которому не свойствен этот порок, является Маргарита. Ей ведом страх, но она способна преодолевать его, как это происходит, например, при общении с Азазелло, которого она принимает за сотрудника «одного московского учреждения»:

- А между тем я к вам послан по дельцу.

Маргарита *побледнела и отшатнулась*.

- С этого прямо и нужно было начинать, - заговорила она, - а не молоть черт знает что про отрезанную голову! Вы меня хотите арестовать? (С. 491).

Маргарита сохраняет самообладание и душевное спокойствие, сталкиваясь как с государством, так и с «нечистой силой». Описывая ее душевное состояние после бала Сатаны и «извлечения Мастера», автор замечает:

«Интересно отметить, что душа Маргариты находилась в полном порядке. Мысли ее не были в разброде, ее совершенно не потрясло то, что она провела ночь сверхъестественно. Ее не волновали воспоминания о том, что она была на балу у сатаны, что каким-то чудом мастер был возвращен к ней, что из пепла возник роман, что опять все оказалось на своем месте в подвале в переулке, откуда был изгнан ябедник Алоизий Могарыч. *Словом, знакомство с Воландом не принесло ей никакого психического ущерба*» (С. 593).

На контрасте с этими строками построено следующее далее описание того психического ущерба, который принесло общение с Воландом и его свитой всем москвичам.

Мастер обретает возможность преодолеть свой болезненный страх, лишь покинув «дом скорби» и встретившись с возлюбленной:

- Я ничего и *не боюсь*, Марго, - вдруг ответил ей Мастер и поднял голову и показался ей таким, каким был, когда сочинял то, чего никогда не видел, но о чем наверно знал, что оно было. - И *не боюсь* потому, что я все уже испытал. *Меня слишком пугали и ничем более напугать не могут* (С. 626).

Таким образом, заглавные герои романа выделяются на фоне всех остальных персонажей, живущих в Москве 1930-ых годов, с точки зрения переживаемых ими эмоции страха.

«Гениальное мастерство всегда остается гениальным мастерством, но сейчас роман неприемлем. Должно будет пройти лет 50-100, - с горечью писал Е.С.Булгаковой после смерти создателя «Мастера и Маргариты» его первый биограф П.С.Попов. – Но как берегутся дневники Горького, так и здесь надо беречь каждую строку – в связи с необыкновенной литературной ценностью. Можно прямо учиться русскому языку по этому произведению» [цит. по: Соколов 2005: 600-601].

Совершенно очевидно, что исследование языка «Мастера и Маргариты» может открыть в романе множество потаенных смыслов.

Список использованной литературы

1. Булгаков М. Избр. произведения. В 2 т. Т. 1 – Минск: Мастацкая літаратура, 1991.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
3. Левкиевская Е.Е. ПУГАТЬ // Славяноведение 2004, № 6. – С. 60 – 66.
4. Соколов Б. Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты». – М.: Яуза, Эксмо, 2006.
5. Стефанский Е.Е. К методологии изучения языковой концептосферы (на примере эмоциональных концептов в славянских языках) // Московский лингвистический журнал, 2006, Т. 9, № 1. – С. 16 – 28. – С. 237-246.

ЭВФЕМИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СИНОНИМОВ И АНТОНИМОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Талалакина Е. В.

Московский педагогический государственный университет

Функции синонимов и антонимов в языке заключены в определениях данных языковых явлений. Так, синонимы призваны называть одно и то же явление действительности, используя его мельчайшие нюансы в качестве своих дифференцирующих признаков. Антонимы в свою очередь выражают в языке различные проявления логической категории противоположности, которая присуща многим явлениям действительности. Эти функции находят свое отражение и в речи, но в более разнообразных модификациях. Такие функции, как правило, классифицируются как семантические, т.к. они связаны со значением данных языковых единиц. Однако речь, в отличие от языка, еще и подвергается стилистической стратификации. Таким образом, наряду с семантическими, в речи синонимы и антонимы приобретают и стилистические функции.

В отношении синонимов семантические и стилистические функции принято рассматривать в совокупности. А.П. Евгеньева констатирует, что невозможно провести четкую грань между идеографическими и стилистическими синонимами, т.к. «подавляющая часть синонимов служит и стилистическим и смысловым (оттеночным, уточнительным) целям, часто выполняя и ту и другую функцию одновременно». [Евгеньева 2003: 11]